

Пенькова Елена Александровна

МЕТАФИЗИКА В РОССИИ XVIII ВЕКА: А. Т. БОЛОТОВ

XVIII век в России - век реформ в философии, время изменения самой структуры философии, появления и развития новых направлений философского знания. Особенностью эпохи является тот факт, что центральное место в философском поиске занимают метафизические вопросы. Метафизика же в России XVIII столетия тесно связана с антропологической, этической, эстетической проблематикой. В статье рассматриваются основные положения пневматологии известного русского философа XVIII века А. Т. Болотова в дискурсе отечественной метафизики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 125-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Подводя итог, можно отметить следующее:

1) информационный дизайн переживает эпоху своего теоретического самоопределения. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы, касающиеся особенностей современной социальной реальности, предопределивших возникновение информационной графики и оказывающих влияние на проектирование объектов инфографики. Иными словами, выявление роли контекста в становлении и функционировании информационного дизайна обуславливает в настоящее время особую значимость не эстетического, а социокультурного аспекта в его исследовании;

2) становление информационного дизайна связано с одной из особенностей современной социальной реальности, а именно с формированием предметно-пространственной среды, «нуждающейся» в её интерпретации для потребителей. Именно объекты инфографики выступают своеобразными знаками, символами («эпистемическими вещами»), которые определяют содержание и границы применения технологических объектов. Это достигается благодаря использованию в проектировании объектов инфографики принципов рациональности, простоты, достоверности и актуальности в предоставлении информации.

Итак, инфографика, являясь неотъемлемой частью современного визуального дизайна, уверенно формирует свою нишу, сосредоточившись не на «вечных» проблемах, а на актуальных решениях, успешно формирует коммуникации со своими потребителями.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 179 с.
3. Голомбински К. Добавь воздуха! Основы визуального дизайна для графики, веб и мультимедиа. СПб.: Питер, 2013. 272 с.
4. [Как] про навигационный дизайн [Электронный ресурс]. URL: <http://kak.ru/news/editors/a6075/> (дата обращения: 05.12.2014).
5. Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 101-124.
6. Смикиклас М. Инфографика. Коммуникация и влияние при помощи изображений. СПб.: Питер, 2014. 152 с.

CONTEXT OF INFORMATION DESIGN

Ovchinnikova Raisa Yur'evna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Omsk State Technical University
O-R-U@mail.ru

The article examines the role of socio-cultural context in the formation and functioning of information design. The author reveals the essential characteristics of info-graphics in the context of modern social reality –“requiring” interpretation for consumers. Just the objects of info-graphics come out as a kind of mediators (“epistemic things”). The author concludes that it is achieved due to the use in designing the principles of rationality, simplicity, reliability and topicality in supplying information.

Key words and phrases: information design; info-graphics; visual design; context of designs; visual means for presenting information; visual communication; visual communications of everyday space.

УДК 141.5

Философские науки

XVIII век в России – век реформ в философии, время изменения самой структуры философии, появления и развития новых направлений философского знания. Особенностью эпохи является тот факт, что центральное место в философском поиске занимают метафизические вопросы. Метафизика же в России XVIII столетия тесно связана с антропологической, этической, эстетической проблематикой. В статье рассматриваются основные положения пневматологии известного русского философа XVIII века А. Т. Болотова в дискурсе отечественной метафизики.

Ключевые слова и фразы: русская философия XVIII века; русская метафизика XVIII века; пневматология; антропология; А. Т. Болотов.

Пенькова Елена Александровна

Мурманский государственный технический университет
ya.elepenkova2013@yandex.ru

МЕТАФИЗИКА В РОССИИ XVIII ВЕКА: А. Т. БОЛОТОВ[©]

XVIII столетие в России было веком радикальных перемен в истории, культуре, философии. Но те перемены, которые происходили, не начались вдруг. Уже в XVIII веке получили развитие тенденции, получившие в следующем столетии активное развитие: процесс европеизации начался задолго до реформ Петра Великого, раскол

вскрыл проблемы в церковной жизни, обсуждение которых оказывало влияние на развитие не только религиозной, но и философской тематики будущего века Просвещения. Мы можем согласиться с оценкой авторитетного исследователя, что «...петровские реформы взорвали устоявшиеся формы русского образа жизни и обеспечили приток западноевропейских научных и философских идей, затронувших разнообразие стороны русской духовной жизни и стимулировавших ее дальнейшее развитие. С другой стороны, Петровские реформы взволновали широкие народные массы, поставив перед ними и неразрешимые вопросы о вере, о правде, о смысле жизни. Попытки разрешения этих вопросов вылились в специфическую форму духовной жизни народа, а именно: в активность религиозных исканий, в сектантство и старообрядчество, которое вышло из недр такого религиозного движения XVII в., как раскол, и сформировалось в самостоятельное религиозное направление, которое целым рядом исследователей определяется как эсхатологическая разновидность русского православия» [1, с. 48].

Указанные процессы оказали определяющее влияние на развитие философии в России в XVIII веке. Сама структура философского знания начинает радикально, по сравнению с предыдущим периодом, изменяться. К рациональной или теоретической философии относится физика, логика (умословие) и метафизика. Физика занимается исследованием «знания о естественных телах». Физику вообще часто отождествляли с естествознанием («натуральной философией»). Логика исследует законы ума. Метафизика синтезирует в себе: 1) «натуральное» (естественное) и «рациональное» богословие, то есть «откровенное» и «естественное» знание о Боге; 2) онтологию, то есть знание о всеобщих законах бытия; 3) психологию или пневматологию, то есть знание о душе и духах. Нужно отметить и тот факт, что учение о душе первоначально не разделялось на естественнонаучную и рациональную психологию. Это объяснялось стремлением охватить мир трансцендентальных сущностей и психических явлений в целом. Этика, политика и экономика составляли практическую философию. Первая – теоретическая философия – занимается развитием ума, вторая – практическая – развитием нравов.

Метафизика, с точки зрения мыслителей XVIII столетия (Я. П. Козельский, И. С. Рижский, Г. Н. Теплов и др.), является центральной частью теоретической философии. Эта тенденция объясняется тем, что в XVIII веке «...философия претендует на научную метафизику, признав по весьма серьезным основаниям немецкие сочинения за образцовые» [4, с. 657]. Это с одной стороны, а с другой – русская философия XVIII в. «...философизует Его (Бога – Е. П.), превращая Его в деистическое начало, в гаранта закономерностей созданного им мира, в незыблемое основание гносеологического оптимизма и стража социального порядка и человеческой нравственности» [Там же, с. 657-658]. Именно при такой логике, с точки зрения русских философов, возможно выстроить целостное мировоззрение.

Соотношение философии и метафизики в это время было несколько иным, чем это принято в настоящее время. Философия выполняла функции метода, воспринималась методологией познания, метафизика же была направлена на сам предмет исследования: «Метафизика представляла собой философское познание умозрительных (т.е. достижимых лишь для разума) объектов, не могущих быть описанными математически, но существующих в реальной практике рефлексии и мышления. Ценность метафизики усматривалась в способности исследовать любые объекты, даже те, существование которых не доказано и доказано быть не может» [2, с. 10].

Включение в область метафизического исследования гипотетических и принципиально непознаваемых объектов, по мнению отечественных мыслителей XVIII столетия, раздвигает границы познания человека, он перестает зависеть в области познания от данных чувств, от результатов опытов, его не смущает отсутствие фактов. Философы XVIII века понимали спорность подобного подхода, но в то же время видели и его преимущества, ибо «...метафизика – это размышление над явлениями, о которых человек ничего не знает, над объектами, не только существующими и возможными, но несуществующими и невозможными; совершение того единственного акта, который человек, обладающий разумом, может совершить в ситуации, когда ничего иного он сделать не может. Интеллектуальное действие делает его свободным, в определенном смысле это высшее действие, на которое способен человек, роднящее его с Богом» [Там же, с. 11].

Значительное развитие в русской интеллектуальной истории XVIII столетия получила такая часть метафизики как пневматология – учение о душе и духах. В сочинениях Д. С. Аничкова «Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии», М. В. Данилова «Письма к приятелю, содержащие в себе краткие, но полезные и любопытства достойные для человека материи», В. Т. Золотницкого «Рассуждение о бессмертии человеческой души, которое утверждается через доказательство Божиего бытия, открывающегося из многочисленных созданий», И. М. Кандорского «Наука о душе или ясное изображение ее совершенств, способностей и бессмертия» мы видим развитие различных аспектов пневматологии. Размышления о душе включают в себя достаточно широкий ряд проблем: бытие и сознание, жизнь и смерть, возможность познания и критерии истины, человек и мир, Бог и мир. В своем трактате «О душах умерших людей» известный отечественный мыслитель XVIII века А. Т. Болотов так обрисовал круг вопросов, необходимых для обсуждения в связи с заявленной проблемой: «*Во-первых*, хотелось бы мне знать: подлинно ли они (*Души – Е. П.*) бессмертны и не умирают вместе с телом, так как многие из нашей братьи думают? И будь в самом деле бессмертны, то чем бы сие неверующим доказать и их в том переуверить было можно? *Во-вторых*: в случае бессмертия оной, в каком образе, виде и состоянии они при умирании людей из тела их выходят? *В-третьих*: куда они деваются? В мире ли здешнем подле нас остаются или куда в иное место переходят, переносятся или препровождаемы бывают? *В-четвертых*: подлинно ли некогда будет воскресение мертвых, и буде подлинно будет, то что с ними до того времени происходит, покуда они при общем воскресении всех мертвых соединятся они с прежними телами своими? *В-пятых*: не бывает ли с состоянием их в течение сего времени каких-либо перемен или не бывает? *В-шестых*: что с ними впоследствии при воскресении мертвых и после оно? *В-седьмых*: чем судьба и участь каждой из них, наконец, кончится?» [3, с. 32-33].

Рассуждения о бессмертии души имеют и явно выраженное этическое значение, так как это не только теоретический вопрос, не касающийся повседневной жизни. Так, А. Т. Болотов, объясняя причины атеизма и неверия в бессмертие, пишет: «...не верящие бессмертию души человеческой предаются в жизни своей без всякого спасения и боязни всем беззакониям и порокам и живут иногда хуже самых бессмысленных скотов» [Там же, с. 34].

Понятие души объединяет онтологические, гносеологические, антропологические, этические проблемы, выявляя центральный вопрос: Бог и человек – что между ними общего? Именно в таком дискурсе рассматривает философские проблемы в своем трактате «О душах умерших людей» А. Т. Болотов.

Трактат «О душах умерших людей» написан Болотовым в форме диалога и следует традиции платоновского «Федона». Вопросы, которые задает старику внук: «Бессмертны ли души?», «Куда они деваются после смерти?» и т.п. – это вопросы из раздела пневматологии. Отвечая на эти вопросы, А. Т. Болотов демонстрирует идею, что доказательства бессмертия души находятся в различных сферах знания и исходят из «различных случаев, бывших в мире», «откровения Божьего», «заклучений ума».

Приступая к обсуждению доказательств бессмертия души, Болотов указывает, что величие и совершенство Бога не позволило бы Ему сотворить не совершенное, более того: «...нельзя было создать человека для единой только нынешней и такой кратковременной жизни, и вродить во все души человеконутушимое желание к непрерывной жизни, и оставить желание сие без всякого удовлетворения оною. Ибо в сем случае произвел бы тщетное, безрассудное и всем божественным его свойствам и совершенствам несообразное дело, и какое ему производить никак нельзя» [Там же, с. 35]. Когда речь идет о доказательствах, исходящих из способностей ума, А. Т. Болотов использует традиционную метафизико-схоластическую базу, утверждая, что представление о вечности (онтологическое доказательство), желание вечной жизни (психологическое доказательство), наличие у разных народов сходных представлений о бессмертии души (историческое доказательство), несовместимость краткости земного бытия человека с бесконечной божественной премудростью и благостью (теологическое доказательство) свидетельствуют о бессмертии души. Если мы посмотрим на любого человека, утверждает Болотов, мы увидим, что все люди любят жизнь и желают жить вечно. Это доказывает, что подобное желание «вложено» в человека изначально, присутствует в нем всю его жизнь, «...а как оно всеобщее желание в нынешней жизни не удовлетворяется и все люди умирают с сим желанием, то не доказывает ли само собою, что надобно быть будущей жизни, в которой сие желание удовлетворится и что Бог не по пустому и не безрассудно в человеконутушил оно, а с великим и святейшим намерением» [Там же]. Рассуждая о бессмертии души, мы должны не только исследовать жизнь и эмоции отдельного человека, но и обращать внимание на закономерности жизни всего человечества. И мы увидим, утверждает А. Т. Болотов, что нет ни одного народа, который бы отвергал идею бессмертия. Даже самые закоренелые идолопоклонники имеют, пусть и ошибочное, но все же представление о бессмертии. Если мы посмотрим на христиан, то тем более уверимся, ибо «...число всех бывших до сего и ныне существующих христиан простирается до несметного количества, и все они, без сомненно, верят бессмертию душ и будущей жизни, в надежде на которую столь многие тысячи мучеников подвергали себя смерти. Ты подумай, мой друг! Неужели все сии несметные тысячи людей были все сумасброды и глупее нынешних господ умников, или прямее сказать, суших безумцев и глупцов, не верящих бессмертию души и будущей жизни? И неужели все они верили, и верят метам и неблжцам, и верования их не имело никакого основания?» [Там же, с. 39].

Рассуждения же о «форме», «величине», «фигуре» души могут быть только «гадательными». А. Т. Болотов предполагает, что душа являет собой «эластичное», «эфирное», «тонкое» тело. Душа, как думает Болотов, способна перемещаться в пространстве с большой скоростью. Более того, души способны на «космические путешествия», способны поселяться на разных планетах. При этом то, что душа мыслила и переживала в земном своем бытии, остается с ней навечно и влияет на ее бытие. После окончания земного бытия часть характеристик души будет сохранена, а также способность общаться с другими душами. Но пороки, которые были характерны для земной жизни души, после ее окончания душу покинут.

А. Т. Болотов, рассуждая о бессмертии души, выстраивает свое видение преобразованного мира бессмертия. Произойдет изменение законов физического пространства, земля, возможно, перестанет быть круглой, исчезнет потребность в солнечном свете, так как везде будет разлит свет Божественной Премудрости. Будущая жизнь будет соответствовать христианским представлениям о рае. Болотов предполагает, что будущий мир будет населен только людьми, а если и будут животные или птицы, то только для услаждения людей: «А если и будут какие неизвестных нам родов твари, то разве такие, которые по каким-нибудь отношениям могут когда бесполезными быть тогдашним обитателям Земли, так, по крайней мере, почему-нибудь утешительны, как, например, птицы своим пением и своею разнообразию и красотой своих перьев, звери, своими к ним ласками и услужливостью, а может быть, и самим повиновением, как то было в первые дни при Адаме в раю Едемском» [Там же, с. 150].

Бессмертные души, по мнению А. Т. Болотова, станут горожанами: лучшие будут жить в столице священной империи – Иерусалиме, менее совершенные – в других городах. В будущей жизни возможно дальнейшее совершенствование душ и переселение в лучшие города. В будущей жизни сохранятся семейные отношения душ: они будут носить не супружеский, а кровнородственный характер.

В будущем мире блаженные души будут заниматься дальнейшим просвещением и совершенствованием, что выразится в узнавании «...тогдашней природы и устройства оной, а того паче в множайшем от часу познавании всех божественных свойств и совершенств зиждителя мира, а особливо его непостижимой премудрости в устройении оною и управлении оным. Также в узнавании всего того, что относится до мира духов, до дел и упражнений самих ангелов и других сил небесных. Узнаванием всего того могут они пользоваться при беседовании с самими ими или с знавшими то более, недели они, знаменитейшими блаженными» [Там же, с. 175].

Рассуждения А. Т. Болотова вписываются в общую магистральную линию развития русской философии [5]. «В новое время философия становится необходимой частью светской культуры. Она выделяется как вид культурной работы и институализируется в самых различных формах – от академической кафедры до общественно-философского объединения. Монополия религии в общественной жизни и религиозной философии в мыслях культурных деятелей уходит в прошлое. Теперь она – одно из направлений русской философской жизни, а эта последняя имеет дело со всем спектром идейных построений, характерных для европейской мысли нового времени. Вместе с европейцами и в спорах с ними русские философы движутся от метафизики XVIII века к формам философской мысли начала XX в.» [4, с. 655]. Значительный вклад в этот процесс вносит развитие отечественными мыслителями метафизической проблематики, расширяющей проблемное поле философствования.

Список литературы

1. **Абрамов А. И.** Историография русской философии XVIII века // *Общественная мысль: исследования и публикации.* М.: Наука, 1990. Вып. 2. С. 48-72.
2. **Артемьева Т. В.** «Область дай уму...» // *Мысли о душе. Русская метафизика XVIII в.* СПб.: Наука, 1996. С. 5-75.
3. **Болотов А. Т.** О душах умерших людей. СПб.: Алетейя, 2006. 204 с.
4. **Ермичев А. А.** Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014. 712 с.
5. **Ионайтис О. Б., Пенькова Е. А.** А. Т. Болотов – русский философ XVIII в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 1. С. 84-87.

METAPHYSICS IN RUSSIA OF THE XVIII CENTURY: A. T. BOLOTOV

Pen'kova Elena Aleksandrovna
Murmansk State Technical University
ya.elenapenkova2013@yandex.ru

The XVIII century in Russia is a century of reforms in philosophy, the period of changing the very structure of philosophy, the emergence and development of new directions in philosophical knowledge. The feature of the era is the fact that metaphysical question takes the central place in philosophical search. Metaphysics in Russia of the XVIII century is closely related to anthropological, ethical, aesthetic problematic. The article considers the basic provisions of the pneumatology of the famous Russian philosopher of the XVIII century A. T. Bolotov in the discourse of native metaphysics.

Key words and phrases: the Russian philosophy of the XVIII century; the Russian metaphysics of the XVIII century; pneumatology; anthropology; A. T. Bolotov.

УДК 94(48).082

Исторические науки и археология

В статье освещаются внешнеполитические взгляды У. Черчилля в отношении советской России в 1918-1919 гг., уделяется особое внимание времени начала активной интервенции союзных государств. Анализируется роль мятежа Чехословацкого корпуса в продвижении У. Черчиллем политики поддержки антибольшевистских сил в России. Исследование содержит авторский перевод и подробный хронологический анализ ранее не опубликованных в России личных документов из архива У. Черчилля.

Ключевые слова и фразы: Уинстон С. Черчилль; Россия; интервенция; Чехословацкий корпус; мятеж; «Оккупационная армия».

Плешко Андрей Олегович

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
pleshko.prod@gmail.com

ПОЛИТИКА УИНСТОНА С. ЧЕРЧИЛЛЯ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В 1918-1919 ГГ.: ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕИ АКТИВНОЙ ПОДДЕРЖКИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ И ИНТЕРВЕНЦИИ®

После подписания советской Россией Брест-Литовского мирного договора с Германией Мурманский Совет народных депутатов заключил фиктивное соглашение с союзниками о помощи в снабжении [6, с. 36, 37], и 6 марта 1918 г. в Мурманске с борта английского линкора «Глори» высадился отряд английских морских пехотинцев в количестве около 170 человек [2, с. 134] – так началась интервенция союзных войск в России.

Уинстон С. Черчилль в 1917-1918 гг. занимал пост министра военного снабжения Великобритании. Оценивая мирный договор России с Германией, У. Черчилль прогнозировал его негативные последствия – наступление немцев на Западном фронте, а также начинающуюся борьбу белого движения с большевиками.